

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

В серию входят книги по современному богословию (основное, литургическое, нравственное богословие и другие его разделы), принадлежащие перу выдающихся современных авторов основных христианских конфессий

Книги Ганса Кюнга в Издательстве ББИ:

Фрейд и будущее религии

Церковь

Христианский вызов

Во что я верю

Начало всех вещей. Естествознание и религия

Вольфганг Амадей Моцарт – следы трансцендентного
(Богословие и музыка)

Hans Küng

Ewiges Leben?

Piper
München · Zürich

Ганс КЮНГ

Вечная
ЖИЗНЬ?

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.376
УДК 230.111 / 227.12
К 99

Перевод: Станислав Павлов
Редактор: Алексей Бодров

Обложка: Надежда Павлючик
Верстка: Алиса Вороновская

schweizer kulturstiftung
prohelvetia

Книга издана при поддержке
Швейцарского культурного фонда *Pro Helvetia*

Данный перевод немецкого издания книги Ганса Кюнга
Ewiges Leben? публикуется с согласия автора

Кюнг Ганс
Вечная жизнь? / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). —
М.: Издательство ББИ, 2014. — х + 356 с.

ISBN 978-5-89647-311-4

Эта книга не пространный богословский трактат по эсхатологии. Ганс Кюнг, как и в книгах «Быть христианином» и «Существует ли Бог?», в соответствии с новейшими достижениями богословской науки стремится дать обстоятельный и доступный ответ на насущные вопросы современников и прежде всего на вопрос о вечной жизни. В основании этой книги лежат девять лекций, прочитанных в Тюбингенском университете в рамках *Studium Generale*.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Hans Küng, 1982

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2014
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316,
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Предисловие к русскому изданию	ix
Предисловие	1
А. Горизонт	7
<i>И. Смерть как вхождение в свет?</i>	<i>9</i>
1. Мертвые ничему не учатся	9
2. Упразднение смерти?	14
3. Опыт умирающих людей	18
4. Взгляд по ту сторону жизни?	24
5. Неоднозначность переживаний умирания	28
6. Что такое смерть?	33
7. Три решающих вывода	37
<i>II. Загробная жизнь — проекция наших желаний</i>	<i>41</i>
1. И после уж не будет ничего?	41
2. Бог — отражение человека	44
3. Потусторонний мир как отчужденный земной мир	48
4. Вечная жизнь — желание или действительность?	53
5. Подозрение в проекции и психоанализ	55
6. Смысл смерти?	59
7. Или — или	70
<i>III. Модели веры в вечную жизнь в религиях</i>	<i>73</i>
1. Великое «возможно»	73
2. Религия у истоков человечества	76

3. Религия людей каменного века	81
4. Основной консенсус и основное различие сегодня.....	88
5. Конечное состояние как бытие или как небытие?	93
6. Одна-единственная жизнь или множество жизней?	97
7. Аргументы за и против реинкарнации.....	99
8. Вечное возвращение одного и того же?	107
9. Альтернативы.....	111
Б. Надежда	115
IV. Воскресение мертвых?	117
1. Является ли вечная жизнь предметом опыта?	117
2. Вопрос доверия	122
3. Все пути ведут в могилу?	126
4. Вера в воскресение — позднее явление.....	132
5. Первые подтверждения	135
6. Вера в воскресение — апокалиптическая спекуляция?.....	141
7. Иисус и его смерть.....	144
V. Трудности, связанные с воскресением Иисуса	151
1. Апокрифы.....	151
2. Признанные свидетельства	155
3. Развитие и затруднения.....	157
4. Древнейшее пасхальное свидетельство	161
5. Самое существенное в пасхальной вести	167
6. Воскресение тела?	170
7. Что значит «жить вечно»?	176
8. Воскресение сегодня	178
VI. Между раем и адом	185
1. Предвосхищая дом из света	185
2. Вознесение Иисуса — не полет в открытый космос.....	187
3. Сошествие в ад или сошествие в царство мертвых?.....	192
4. Действие Иисуса в преисподней?.....	194
5. Проблематичная вера в ад	199
6. Иисус и ад	205
7. Ад — вечен?	209
8. Небеса веры	222
В. Выводы	227
VII. Достойное человека умирание	229
1. Медицина без человечности?	229

2. Врачебная этика без религии?	235
3. Новое отношение к болезни и терапии	241
4. Вытеснение смерти	244
5. Новое отношение к смерти	248
6. Пассивная эвтаназия	252
7. Активная эвтаназия?	256
8. Достойное христианина умирание	262
VIII. <i>Небеса на земле?</i>	269
1. Для чего мы на земле?	269
2. Критика небес становится критикой земли	272
3. Царство свободы?	280
4. Прорыв в рай?	284
5. Секуляризированное ожидание скорого свершения	292
6. Зачем надеяться на небеса?	299
7. Просвещение о себе самих	305
IX. <i>Конец света и Царство Божье</i>	309
1. Возможен ли конец света?	309
2. Конец света с точки зрения физики	313
3. Конец мира как суд над миром	317
4. Спасение мира как Царство Божье	323
5. Только лишь созерцать Бога?	327
6. Новая земля и новое небо	331
<i>Эпилог: «да» вечной жизни</i>	339
Для чего все это?	339
Доверие или недоверие	344
Проще ли верующим?	346
Что изменится, если	349
In summa	351
Общая литература	355
1. Богословские справочники по христологии (особенно по воскресению) и эсхатологии	355
2. Специальная литература по эсхатологии	356
Указатель	357

Предисловие к русскому изданию

Вопрос о смысле жизни играет значительную роль как в русской литературе так и в религиозной философии; в этой связи достаточно лишь назвать имена Льва Толстого и Семена Франка. А вопрос о смысле жизни, несомненно, тесно связан с вопросом о смысле смерти и смысле умирания. В том числе в России есть философы, которые полагают возможным с помощью достижений науки добиться воскрешения людей из мертвых и достичь вечной жизни.

Я начинаю эту книгу с рассмотрения многочисленных сообщений людей, находившихся на грани смерти, и подчеркиваю, что сами по себе эти сообщения еще не являются доказательствами существования вечной жизни, но оставляют этот вопрос открытым. Здесь следует избегать логической ошибки религиозного креационизма, который, исходя из Большого взрыва, пытается доказать существование Бога-творца, а тем самым и вечной жизни. Стоит признать, что глубинные вопросы о начале и конце мира и человека не могут быть решены естественными науками, эти вопросы создают пространство для ответа религиозного доверия, разумного доверия на изначальную и наивысшую реальность, из которой все происходит и к которой все стремится.

Для христиан в ответе на эти последние вопросы решающее значение по-прежнему имеет новозаветная весть о воскресении. Однако сегодня мы стоим перед небывалым вызовом, как же понимать эту весть, чтобы она, с одной стороны, не превратилась просто в миф, но, с другой стороны, и не потеряла своего сущностного содержания. Такого понимания можно достичь, обратившись к центру библейской пасхальной вести.

В этой книге я стараюсь помочь современному светскому читателю научиться понимать зачастую чуждый ему мифологический язык религии. Это важно, поскольку речь здесь идет не просто об отвлеченных вопросах, но вопросах, имеющих непосредственное отношение к нашей жизни, в особенности же к таким горячо обсуждаемым в медицине и биоэтике темам, как умирание и эвтаназия.

Я от всего сердца надеюсь, что эта книга, уже претерпевшая множество переизданий на многих языках, сможет помочь и русскоязычному читателю лучше разобраться в глубинных вопросах и дать на них собственный ответ для построения своей жизни в эти трудные переломные времена.

Я очень благодарен издательству Библейско-богословского института св. апостола Андрея за инициативу публикации этой книги на русском языке и Станиславу Павлову, взявшему на себя непростой труд перевода.

Ганс Кюн, Тюбинген, март 2013 г.

Предисловие

Верите ли вы в жизнь после смерти? Такой прямой вопрос может порой застать врасплох и богослова. И действительно, ведь здесь задан вопрос, который хотя и будоражит умы со времени зарождения человечества в эпоху палеолита, сегодня уже кажется немного вышедшим из моды. Вечная жизнь? Что может она означать в эпоху прогресса перед лицом постоянно повышающихся стандартов и качества жизни?

Верите ли вы в жизнь после смерти? *Нет, я не религиозен!* Такой ответ звучит сегодня уже не так «современно», как прежде, а скорее несколько узколобо, несведуще. Так же как и ответ на вопрос о музыке: нет, я не музыкален! Это, конечно, не аргумент против музыки, а скорее повод для встречного вопроса: жизнь с музыкой или без нее, с религией или без нее — действительно ли нет никакой разницы?

Попытки богословов отстоять идею вечной жизни были порой малоубедительны и далеки от реальности — они не затрагивали современных критически мыслящих людей и не принимали во внимание противоречия Библии относительно смерти и воскресения, рая и ада, конца света и последнего суда над миром. Зачастую встречные аргументы были более вескими, а сами оппоненты с большой долей истины в своих сомнениях хотели сказать нечто важное: вечная жизнь — что же это, если не про-

екция желаемого (Фейербах), утешение для угнетенных (Маркс), отрицание вечного возвращения одного и того же (Ницше), не-реалистическая регрессия психически незрелого (Фрейд)?..

Что происходит в момент смерти, что после него? «Новые» философы, экзистенциальные философы и неомарксисты начали обсуждать эти вопросы уже более детально: в то время как Жан-Поль Сартр дал негативный ответ, Мартин Хайдеггер оставил этот вопрос открытым, а Карл Ясперс с оговорками ответил на него положительно; и тогда как Теодор Адорно считал мысль о смерти как об абсолютном конце просто невообразимой, Макс Хоркхаймер признавал свою открытость по отношению к стремлению к совершенно иному, Эрнст Блох до конца своей жизни оставался чрезвычайно заинтригованным «великим возможно». В нашем мире, отмеченном позитивизмом и материализмом, понемногу начинают говорить о том, что вопрос о вечной жизни не может быть снят при помощи таких формул, как «подмена действительного желаемым», «опиум», «рессентимент», «иллюзия». Они слишком слабы для того, чтобы истощить потенциал всегда вновь пробуждающейся надежды.

Очевидно, что мы находимся посреди большого затишья во время общественного кризиса потери ориентиров. Назрели новые проблемы и потребности, на поверхность вышли новые страхи и стремления. Многие находятся в поисках новой опоры, основополагающей уверенности, компаса для своей жизни и жизни других людей. Религия снова обращает на себя внимание со всей противоречивостью и двойственностью этого феномена: старые религии и многие новые, как христианская, так и исламская, индуистская, буддистская. Во всяком случае, кажется, что «бог»-прогресс стремительно растратил свой кредит доверия как на Западе, так и на Востоке, а вера в жизнь, постоянно улучшающуюся за счет науки и технологии или революции и социализма, подвергается серьезному сомнению. И в то время как старшее поколение, несмотря на все потуги психологии, так и не смогло найти смысл в умирании, молодежь — якобы поколение «по future»¹, полное апатии, отторжения, страха и само-

1. Будущего нет (англ.). — Прим. пер.

разрушения, — снова задается вопросом о потерянном смысле жизни. Именно та наука, которая в прошлом веке больше других сделала для разрушения веры в бессмертие и в то же время парадоксальным образом заботилась о продлении жизни, медицина, сегодня сняла табу с вопроса о смерти и благодаря своим исследованиям процесса умирания вновь оживила дискуссии о смерти и загробной жизни. Но доказала ли медицина или, быть может, парапсихология существование жизни после смерти?

Почти все религии говорят о некоей жизни после смерти, будь то в царстве теней, на небесах или в нирване, будь то после одной или нескольких жизней, будь то непосредственно сразу после смерти или лишь после Страшного суда. Переселение душ, перерождение, спиритические феномены, так много «вещей между небом и землей», за пределами «здравого смысла». Но, возможно, еще более насущны проблемы другого рода: проблемы достойного умирания, да и помощи умирающим вообще, перехода в царство свободы, справедливости и новой жизни, вопросы футурологии и космологии...

«Чтобы постигнуть невидимое, нужно как можно глубже вникнуть в видимое», — говорил великий художник Макс Бекманн. То, что можно найти в учебниках по богословию в разделе «Последние вещи», мне зачастую кажется менее значимым для ответа на вопрос о вечной жизни, чем то, что написали, как позитивного, так и негативного, на эту тему написали поэты и философы, врачи и ученые. Тот же, кто интересуется частными богословскими вопросами, может спокойно справиться о них в соответствующих учебниках. Я же, в свою очередь, хотел написать не пространный богословский трактат по эсхатологии, но, как и в книгах «Быть христианином»² и «Существует ли Бог?», точно в соответствии с новейшими достижениями богословской науки и тем не менее не уходя в нее с головой, ответить на насущные вопросы современников. Без этих двух предшествующих книг я едва ли смог бы дать этот, как я надеюсь, одновременно обстоятельный и доступный ответ

2. Рус. пер. авторизированной сокращенной версии книги «Быть христианином»: *Ганс Кюнг, Христианский вызов*. М.: ББИ, 2012. — *Прим. пер.*

на вопрос о вечной жизни. По мере необходимости я прибегал к этому богословскому основанию, при этом не предаваясь ученому пороку прямого цитирования самого себя. Для углубления некоторых аспектов я вынужден отослать к этим книгам и читателя. Таким образом, теперь в свет вышли все эти три связанные друг с другом книги, и я рад возможности спустя дюжину лет сказать, что, несмотря на все попытки с помощью безапелляционных церковных заявлений дискредитировать мою христианскую веру и мою верность церкви, я остался верен моему богословскому пути, ознаменованному выходом книги «Быть христианином», и продолжаю по нему идти, невзирая на веяния богословской моды.

В основании этой книги лежат девять лекций, прочитанных в Тюбингене. Мне удалось не поддаться и другому ученому пороку: изменить лекционный стиль и представить материал в виде подобного учебнику компендиума. Многое в этих лекциях могло и должно было быть лишь очень плотно сжато, кратко изложено или вообще лишь только обозначено. Поэтому там, где это указано, я отсылаю читателя к специальной литературе. Этот впервые мною выбранный литературный жанр должен пойти на пользу удобочитаемости и плотности затрагиваемых проблем.

Я посвящаю эту книгу всем тем многим людям, находящимся вблизи и вдалеке, кто был солидарен со мной в трудное для меня время после 18 декабря 1979 года сделал возможным то, что я смог интеллектуально выстоять и в конечном счете дальше работать в богословии, теперь даже с еще большей свободой и с еще более широкими перспективами. В первую очередь наряду с моими коллегами и друзьями в Тюбингене, Германии, Швейцарии, Австрии, Соединенных Штатах и других странах это были мои ближайшие коллеги по Институту экуменических исследований, которые имеют множество заслуг и в создании этой книги: доктор Карл-Йозеф Кушель, который как никто другой с самого начала и до конца сопровождал эти лекции и внес множество ценных замечаний и предложений; Марианна Саур, которая неустанно критически перечитывала все редакции рукописи и составила именную указатель; мой личный секретарь Элеонора Хенн, которая помимо изрядной

секретарской работы постоянно трудилась над многочисленными записями; Аннелора Тюрке и Михаэль Штэммэлер, которые перепроверили все цитаты и примечания, подготовили итоговую редакцию текста и исправили печатный набор; в заключение, неизменного секретаря нашего Института Аннегрет Динкель, которая занималась приобретением литературы, объемом которой в этом случае достиг чрезвычайных размеров, и при этом оказывала мне множество услуг.

Эти девять двухчасовых лекций были прочитаны для слушателей всех факультетов в летнем семестре 1981 года в рамках *Studium Generale* в Тюбингенском университете и нашли весьма благоприятный отклик. Хотя для печати они и были еще раз основательно переработаны и дополнены, стиль лекций был оставлен без изменений.

Тюбинген, июнь 1982 г.

А

ГОРИЗОНТ

Смерть как вхождение в свет?

1. Мертвые ничему не учатся

«Сцена широка, пуста и бела... Белый свет остается неизменным». Так звучит режиссерский комментарий для второго из «трех сценических образов» в пьесе «Триптих», этой поздней работе о смерти и вечности писателя *Макса Фриша*, которому в мае 1981 года исполнилось семьдесят лет¹.

Сцена широка, пуста и бела, белый свет остается неизменным: так как же Макс Фриш понимает смерть? Как вхождение в свет? Вполне. Но в какой-то безжалостный, безутешный свет, который, как и в пьесе о загробной жизни Жан-Поля Сартра *Huis clos* («За закрытыми дверями») 1945 года, светит ровно, утомляет и даже парализует. Это абсолютно безотрадная смерть, которую Фриш с иронией и скептицизмом инсценирует на фоне мертвенно пустынного ландшафта, где мертвецы пребывают в действительно смертной тоске от полного застоя и беспощадного повторения: «Ничего не происходит, что бы однажды уже

1. *M. Frisch*, Triptychon. Drei szenische Bilder (Frankfurt 1981).

не произошло, и мне чуть больше тридцати. И ничего нового уже не произойдет. В этом кресле я уже качалась. Ничего больше не произойдет, чего бы я уже однажды не испытала. И мне всегда будет чуть больше тридцати. То, о чем я думаю сейчас, я уже думала однажды раньше. То, что я слышу, я уже слышала раньше». Так говорит главная героиня этой медитации-диалога умершая модель Катрин². И позже: «Это ужасно, мертвые ничему не учатся... Я уже слышала то, что ты хочешь сказать. Мы можем сказать все еще раз, и ничего не изменится... Мы движемся по замкнутому кругу... Я хочу спать, я хотела бы никогда не жить и ни о чем не знать — только спать»³.

«Умереть! Умереть! Уснуть и видеть сны, быть может», — вторит бродяга, бывший актер, цитируя Гамлета⁴. И потом говорит вместе со Стриндбергом (у Фриша это написано заглавными буквами): «КАК ЖАЛЬ ЛЮДЕЙ, Стриндберг, КАК ЖАЛЬ ЛЮДЕЙ»⁵. В той же манере говорит и старый Пролл, возлюбленный Катрин, бывший испанский солдат, а впоследствии букинист: «Здесь больше нет ожидания. В этом и заключается вся разница... Пока человек живет, он непрестанно чего-то ждет, от часа к часу... Здесь же нет ожидания, нет и страха, нет будущего, и именно поэтому все кажется таким пустяковым, когда все раз и навсегда приходит к концу»⁶. В конце этой печальной сцены, происходящей в Гадесе, уже сама Катрин декларирует: «Вечность банальна». За этим следует режиссерский комментарий Фриша: «Слышно пение птиц». И Катрин: «Вот уже и снова наступил апрель»⁷.

Жизнь после смерти? Вхождение не в пустоту, но — еще хуже — в великую скуку всегда одного и того же? Так, по крайней мере, выглядит представление о смерти и вечной жизни Макса Фриша: скорее помутнение, чем просветление, как впрочем и мертвая река в Гадесе, у которой все безуспешно рыбачит

2. *M. Frisch*, *Triptychon*. Drei szenische Bilder. S. 33.

3. *Ibid.* S. 38, 44, 78 f.

4. *Ibid.* S. 82.

5. *Ibid.* S. 93.

6. *Ibid.* S. 95.

7. *Ibid.* S. 100.

старый Пролл, течет, а скорее даже и не течет, как мутные заводские воды подле конюшни. Это, что же, все, что может сказать «просвещенный человек» уходящего XX века, после тысяч лет религии и христианства, о вечной жизни? Просвещение должно вести не к фатализму и безропотности, но к свежему восприятию, переосмыслению, даже бунту! Поскольку, согласно этому автору, социальные изменения возможны только во временной жизни. Здесь и сейчас нам предоставляются возможности, здесь и сейчас можно выиграть или проиграть. Вечная скука царства мертвых в этой пьесе, таким образом, является предостерегающей метафорой смертельного *до* нашей смерти, которое начинается тогда, когда мы уже не способны на переосмысление...

Пьеса призывает занять активную позицию подобно тому, как и сама она занимает активную позицию по отношению к одному из величайших вопросов человечества. Но не была ли *вечность как вопрос и надежда слишком быстро отвергнута* ссылкой на посюстороннее время? Какой же тогда смысл может иметь наше так быстро и бесследно проходящее время перед лицом этой банальной, безнадежной, безысходной вечности? Вечность, в которой не только истово верующий пастор вновь будет проповедовать свои прежние иллюзии о «том свете» и новом рождении вне плоти, но и революционер будет верить в свою старую утопию о революции, которая придет и сделает нас бессмертными, даже если мы ее и не переживем? В общем, «вечность совершившегося»⁸, как провозгласил один молодой человек уже в первой сцене «Триптиха»?

Эта меланхолически-скептическая пьеса, состоящая из трех частей, с начала и до конца в некоторой степени проникнута равнодушным спокойствием, самодовольством, вообще неким ожиданием и надеждой на эту жизнь. Но в гораздо большей степени — светлой и парализующей грустью, безутешностью, безнадежностью, а порой и отгоняемым страхом, печалью, даже отчаянием: «Эрнст Блох тоже умер — будущее принадлежит страху», — как это было однажды сказано⁹. И в конце

8. Ibid. S. 15.

9. Ibid. S. 109.

концов пьеса заканчивается тем, что тот же молодой человек, между тем уже ставший пятидесятилетним, слышит от своей ожившей возлюбленной то же уничижительное суждение, что и прежде: «Ты никогда никого не любил, на это ты не способен... и ты никогда никого не полюбишь». Пауза. Он: «Значит, так тому и быть»¹⁰. И нажимает на курок револьвера. Темнота. Конец. Занавес.

«Писатель в тушике» — можно было услышать в Вене после первой постановки. Только лишь писатель? Не хочет ли пьеса быть чем-то большим, чем личной исповедью, не хочет ли она, сгустив краски, в форме притчи представить наше время как таковое? Тогда следует сформулировать вопрос иначе: человек, да, человек XX века в тушике!? Возможен ли еще выход из этого положения, есть ли какая-нибудь альтернатива?

Я не намереваюсь теперь, подобно пастору из первой части «Триптиха», сцены похорон, лишь цитировать Библию и декламировать две сцены из Евангелия от Иоанна — о воскрешении Лазаря и неверии Фомы. В этом случае и я, вероятно, получил бы тот же типичный для Нового времени ответ, который дал пастору молодой человек: «Я знаю лишь, что человеческое сознание не может существовать без биологического основания. Даже при сотрясении мозга я теряю сознание. Как же может сохраниться мое сознание после материального разложения моего мозга, если я, например, пушу себе пулю в лоб?.. Я хочу лишь сказать, что как биологический факт смерть есть нечто тривиальное, подтверждение закона, которому подчинена вся природа. Смерть же как мистификация — это уже что-то другое. Я не говорю, что она тогда является чем-то бессодержательным. Но мистификацией. Даже если представление о вечной жизни личности истинно, мистификация заключается в том, что смерть, в конце концов, является правдой о нашей жизни: мы живем окончательно»¹¹.

Контрапункт этим «столь разумным» мыслям был предложен Фришем уже в ответе молодой девушки: «О нет, я имею в виду

10. *M. Frisch*, Triptychon. Drei szenische Bilder. S. 139.

11. *Ibid.* S. 16.

не Сведенборга и подобных ему людей, которые опирались на свои галлюцинации. Я просто думаю, что все это не так просто. Сознание не существует без биологического основания. Но откуда вы это знаете? Это верно, что Платон не приводит никаких доказательств возможности существования души без тела, но тем не менее он считает такое существование вероятным. Как, впрочем, и Блох. Есть не только маленькая логика, но еще и большая»¹².

Маленькая логика, большая логика — извечная проблема: но, во всяком случае, в этих лекциях о вечной жизни мы не будем предлагать мистификации и пробуждать слепые эмоции. Нет, именно в наше время, отмеченное чудовищным переломом во всех областях жизни и вполне понятным стремлением к миру, безопасности и стабильности, именно в этом технократическо-рациональном мире и душевном обнищании *Homo faber*¹³ ни в коем случае не следует поддерживать этот якобы намечившийся переход от иррационального к сверхрациональному. В пресыщенном, утонченном, скептически-декадентском настроении снова приближающегося *Fin de siècle*¹⁴, которое в прозаическом рассказе Фриша «Монток» литературно переработано как настроение *Fin de vie*¹⁵ («жизнь скучна»), здесь не следует проповедовать какую-то как духовно, так и политически неоконсервативную (религиозную или же квазирелигиозную) веру. Именно при рассмотрении такой деликатной темы, какой без сомнения является «вечная жизнь», богословский интерес в истинности должен быть обращен в непосредственном смысле слова на *реальность* (или же нереальность) этой жизни, а не прежде всего на ее *функции* в человеческом бытии, использовании ее и злоупотреблении ею. Чтобы богословие могло подтвердить реальность вечной жизни, необходимо избегать всего того, что может выглядеть как эксплуатация человеческого желания ее существования.

12. Ibid. S.27.

13. Человек деятельный (лат.). — Прим. пер.

14. Конец века (фр.). — Прим. пер.

15. Конец жизни (фр.). — Прим. пер.

2. Упразднение смерти?

Для того чтобы сразу же избежать возможных богословских недоразумений, мы бы хотели с самого начала сказать то, что во всей полноте будет раскрыто лишь в последующих лекциях: при всех необходимых размышлениях о религиозных традициях человечества мы задаем вопрос о вечной жизни не ретроспективно или регрессивно, желая вернуться в якобы беспроблемное детство человечества или же по крайней мере христианства, но перспективно, со взглядом в будущее: мы хотим со всей серьезностью отнестись к переходу к Новому времени, этому коренному перелому эпохи после рождения Христа, этому двойному коперниковскому перевороту — от Земли к Солнцу и одновременно от Бога к человеку.

Это значит, что мы задаем вопрос о вечной жизни в эпоху,

- в которой доминирует абсолютно новое научное *мировоззрение*: голубая твердь небес как место вечной жизни уже буквально растворилась в воздухе;
- в которой все проникнуто постулатом *просвещения*: уже не существует вечной истины, которая не была бы связана с критическим заключением разума и базировалась лишь на авторитете Библии, традиции или церкви, вера в вечность уже не может быть просто авторитетным утверждением или частью какого-то самоочевидного мировоззрения;
- в которой *критика идеологий* вскрыла злоупотребления верой в вечную жизнь: и больше она уже никогда не должна быть использована для утешения людей загробным существованием или же для поддержания несправедливых, бесчеловечных общественных отношений;
- в которой кончилось политико-культурное *господство христианства*: отрицание вечной жизни уже больше не является опасным для жизни, а всеобъемлющий процесс секуляризации перевел внимание с того света на этот, с жизни после смерти на жизнь до смерти, со стремления к небесам на верность земле...

Но на фоне этого лишь едва обозначенного гуманитарного горизонта вырисовываются и совсем новые изменения, которые

делают вопрос о вечной жизни снова в высшей степени актуальным. Удивительно, но в «Триптихе» Фриппа не появляется врач. Тем временем это прежде всего медицина — на рубеже веков она, еще во многом физиологическо-материалистически ориентированная, спровоцировала оживление на прежде неподвижных фронтах.

Сегодня даже студенты-медики едва ли знают о том, насколько ожесточенные идеологические дискуссии о смерти и бессмертии велись прежде в их рядах. Здесь я хотел бы привести краткую историческую справку об этом. Примерно 160 лет назад, в 1854 году, на «31-м собрании немецких естествоиспытателей и врачей в Геттингене» среди немецких врачей разгорелся явный конфликт, который позже был назван «Спором о материализме». Толчком для этого спора послужило то, что в революционной Франции была развита новая медицина, работающая строго естественно-научно и достигшая к середине XIX века впечатляющих успехов. Следствием этого стало колоссальное потрясение старых догм и убеждений, которые тогда в равной степени разделялись как богословием, так и естествознанием. Но в Германии романтического периода против этого были выстроены оборонительные рубежи. Так, врач *Рудольф Вагнер* пытался защитить не только происхождение всего человечества от одной-единственной пары людей на основании философско-богословских аргументов, но и отстоять перед лицом новых физиологических, «материалистических» теорий существование особой невидимой и невесомой «субстанции души»¹⁶. Атака Вагнера была направлена тогда на физиолога *Карла Фогта*, который, со своей стороны, резко сводил счеты с традиционной концепцией в работе под названием «Слепая вера и наука»¹⁷. В отличие от интеллектуального течения, представляемого Вагнером, он утверждал существование множества изначальных

16. R. Wagner, Menschenschöpfung und Seelensubstanz. Ein anthropologischer Vortrag, gehalten in der ersten öffentlichen Sitzung der 31. Versammlung deutscher Naturforscher und Ärzte zu Göttingen am 18. September 1854 (Göttingen, 1854); vgl. auch ders., Über Wissen und Glauben mit besonderer Beziehung auf die Zukunft der Seelen (Göttingen, 1854).

17. C. Vogt, Köhlerglaube und Wissenschaft (Gießen, 1854).

человеческих пар, а в качестве аналогий для взаимоотношения между мозгом и мыслью предлагал такие пары, как печень-желчь или даже почки-моча.

В глазах широкой общественности материалисты тогда выиграли этот бой. Со времен этого спора и в Германии стало очевидным, что:

- религиозным убеждениям нечего искать в естественно-научно-медицинских вопросах;
- взаимосвязи, которые подчиняются естественным законам и законам механики, должны от начала и до конца исследоваться без привлечения каких-либо философско-богословских предпосылок;
- функционирование сознания без функционирования мозга невозможно, а какой-то существующей отдельно от тела души не существует;
- и в медицине следует исходить из количественно измеряемых исследований и экспериментов;
- религия не имеет никакого отношения к науке и в лучшем случае является лишь частным делом;
- весь мир можно объяснить на основании взаимодействия физико-химических сил, на этом же основании можно объяснить и дух человека!

Спустя десять лет после этого спора о материализме бывший богослов, а тогда философ и атеист Людвиг Фейербах в одном из своих последних сочинений «О спиритуализме и материализме» хвалил как раз реформатора Мартина Лютера¹⁸. Почему? Да потому, что он позволил своему сыну Паулю изучать медицину и таким образом не воспрепятствовал ему стать потенциальным противником веры в бессмертие человеческой души! Фейербах, отец марксистской критики религии, был убежден: врач по самой своей природе материалист и атеист.

Таким образом, вовсе не случайным было то, что посреди французской революции, год спустя после публичного низвер-

18. *L. Feuerbach, Über Spiritualismus und Materialismus, besonders in Beziehung auf die Willensfreiheit*, in: *Sämtliche Werke* (Leipzig 1846–1866) Bd. X, S. 37–204; Цит. X, 119.

жения Бога в парижском Нотр-Даме (1793), революционер Антуан де Кондорсе провозгласил в своем «Эскизе исторического изложения прогресса человеческого духа»¹⁹ *упразднение* или же значительную *отсрочку смерти в качестве долгосрочной цели медицины*. Хотя Кондорсе и умер в том же году, будучи брошенным в тюрьму той же революцией, атеизм и утопия достижения земного бессмертия стали с тех пор идти рука об руку.

Бог был лишен функций: казалось, он уже не нужен ни для объяснения мира, ни для здравоохранения. Да, в естественных науках и медицине, если они хотят оставаться методологически точными, Бог не может, да и не должен больше играть никакой роли. С тех пор для многих врачей наука заменила религию — кого это может удивить? — даже в личной сфере. Спасение тела — да, говорили они, спасительное учение — нет! Место веры в Бога заняла вера в человека, в науку, и это имело решающие последствия для интересующей нас проблемы умирания и смерти: вопрос о жизни после смерти носил, по мнению таких врачей, характер ненаучно-метафизического заблуждения.

Но уже давно намечается (не в последнюю очередь из-за преступлений врачей во время национал-социалистического режима и последовавшего затем переосмысления роли медицины, а потом и из-за кризиса веры в науку) переориентация по отношению к пациенту как к целостному человеку, по отношению к этосу и, косвенным образом, к религиозной проблематике. Именно проблема смерти, долгое время табуированная в истории медицины, переживает сегодня оживленный научный интерес со стороны медиков. В последние годы появилась целая серия медицинских публикаций, которые тщательно анализируют процесс человеческого умирания, принимая во внимание и другие измерения помимо медицинско-физиологического. Даже такой ведущий научный психиатрический журнал, как *Journal of Nervous and Mental Diseases*, опубликовал, что прежде было просто невысказано, огромный обзор литературы, связанной с темой исследований жизни после смерти.

19. *A. de Condorcet, Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain* (Paris 1794).